

Л.А. Аболина, Р.Ю. Федоров

ЖИВАЯ ТРАДИЦИЯ БЫТОВАНИЯ ПРОЗВИЩ СЕЛА АТИРКА: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

На основе обобщения полевых этнографических материалов исследованы особенности бытования деревенских прозвищ на примере с. Атирка Тарского района Омской области. Рассмотрены социально-экономические и психологические факторы, оказывающие влияние на формирование и функциональные значения прозвищ. Опираясь на конкретные примеры, в статье исследованы особенности деревенских прозвищ, отражающих специфические личностные качества их носителей, прозвища, происходящие от фамилий, школьные «клички». Выявлены особенности формирования прозвищ у представителей отдельных этнолокальных групп.

Ключевые слова: ономастика; деревенские прозвища; село Атирка; Омская область.

В отечественной науке интерес к прозвищам возник в конце XIX в. на фоне общего развития этнографии. Одним из первых фундаментальных исследований на эту тему стал «Словарь древнерусских личных и собственных имен» Н.М. Тупикова, который давал широкое представление о бытовании древнерусских прозвищ и формировании на их основе фамилий [1]. Другой известной работой на эту тему стала вышедшая в 1891 г. книга А.И. Соколова «Русские имена и прозвища в XVII в.» [2]. В это же время появляется ряд публикаций в журнале «Живая старина», в которых были описаны и подвергнуты анализу прозвища, бытовавшие в аграрной среде Европейской России и Урала [3, 4].

Изучение прозвищ в качестве самостоятельного раздела ономастики начало развиваться в нашей стране во второй половине XX в. В этот период стало появляться все больше работ, посвященных различным аспектам методологии изучения прозвищ и вопросам их классификации. Среди них важными вехами стало издание монографий А.В. Суперанской «Общая теория имени собственного», С.Б. Веселовского «Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии», «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской и ряда других пионерных исследований [5–7].

На этом фоне стало появляться все больше работ, в которых были исследованы национальные, региональные и субкультурные особенности формирования прозвищ [8–10]. Так, например, А.Н. Кушкова исследовала деревенские прозвища в качестве социально-психологического феномена [11], Ю.Б. Воронцова подробно рассматривала механизмы возникновения коллективных прозвищ [12]. Работы одного из авторов статьи посвящены исследованиям природы прозвищ в аграрной среде ряда регионов Сибири [13, 14]. Благодаря этим исследованиям было отмечено, что расцвет образования и бытования прозвищ приходился в России на Средние века и в целом завершился в результате узаконенной регламентации православных личных имен и установления трехчастной формы идентификации в XVIII в.: имя, отчество, фамилия. Несмотря на

это, неформальные прозвища не только продолжают сохранять стойкость бытования, но и приобретают свои новые особенности, созвучные с социокультурными процессами в современном обществе. Это свидетельствует о неослабевающей актуальности их исследований. Особое значение прозвища играют в жизни закрытых коллективов (образовательные и исправительные учреждения, армия, профессиональные сообщества), где подобная неформальная идентификация индивида коллективом имеет целый ряд специфических функций (социальная стратификация, выделение этнической, географической или профессиональной принадлежности, акцентирование индивидуальных качеств человека, психологическая разгрузка и др.). В этом плане социальная организация жизни сельской общины всегда имела много общего с особенностями функционирования закрытых коллективов. В первую очередь это было связано с тем, что для деревни характерен ограниченный и устоявшийся круг социальных контактов, при которых жизнь каждого человека проходит на виду у соседей и невольно получает их субъективные характеристики и оценки. Данная ситуация особенно характерна для оказавшихся на периферии современного социально-экономического развития небольших деревень. Именно к таким населенным пунктам сегодня относится село Атирка, на примере которого авторы сделали попытку исследовать разнообразие прозвищ, причины их появления и роль, которую они выполняют в жизни местного социума.

Село Атирка Тарского района Омской области находится в 70 км от районного центра г. Тары и в 370 км от областного центра, г. Омска. Село было основано в 1856 г. переселенцами из Вятской губернии, в 1899 г. была построена церковь, в 1920 г. организован колхоз «Смелый пахарь», в 1927 г. был построен маслозавод, в 1960 г. – овощесушильный цех [15. С. 8–9]. До конца 1980-х гг. жизнь в селе кипела и население прибывало, так как многие деревни, находящиеся в менее выгодном положении, были ликвидированы, а их жители, разбирая свои дома, перевозили их в Атирку. С начала 1990-х гг. в селе наметилась тенденция к со-

крашению численности населения. По состоянию на 2009 г. в Атирке проживали 909 человек [15. С. 8]. Сегодня Атирка выделяется среди других сел характерным говором и многообразием удивительных прозвищ, не застывших во времени, а возникающих и меняющихся вместе с течением незатейливой деревенской жизни.

Все промышленные предприятия в Атирке в 1990-е гг. были закрыты, и люди, оставленные на произвол судьбы, теперь снова живут натуральным хозяйством, охотой, рыбалкой и собирательством, легальной и не совсем легальной заготовкой и продажей леса. Казалось бы, живут одиночно, но на самом деле вся их деятельность объединена в один живой механизм, где наряду с традиционными фольклорными мотивами формирование прозвищ все чаще инициируется далекой от реалий сельской жизни телекультурой. *«Моль живет с Бумером. Ну, как моль – бледная, невыразительная. 48 лет ей уже, а все-то спрашивает: “А сколько вы мне дадите?” Утюг, он же Ландух, от фамилии Латышев – это Наташки Маугли “бойфренд”»* [Здесь и далее курсивом выделены фрагменты рассказов информаторов, записанные Л.А. Аболиной в 2013–2015 гг.; орфография и пунктуация сохранены. – Прим. авт.].

Более пристальное исследование прозвищ выявило не только определенные закономерности их возникновения, но и целый ряд архаизмов в этом процессе. До перехода к христианским именам детям давались имена в зависимости от фантазии родителей, которая воспитывалась веками внутри древнерусской культуры и укладывалась в патриархальный жизненный уклад. Детей рождалось много и очень много умирало (*«Бог даў – Бог узяў»*) – так говорили потомки белорусских переселенцев, проживающие в Атирке), потому детские имена были незатейливы: Первуша, Третьяк, Шестак, Жданко, Поздей. Среди сегодняшних прозвищ еще присутствует подобный единичный случай: *«Веронику Буковскую – Булдыга зовут, это родной батька всем дочкам сам клички дал: у Вальки – Ведьма, у Витальки – Пузо, можа маленький когда был пузатый»*.

Съехавшиеся в Атирку после регулярных «укрупнений» и «улучшений» люди из деревень Князевка, Красный Яр, Тунзы, Кумлы, Боган и др. в основном являются потомками белорусских переселенцев. Это заметно по особому говору информаторов. Большинство их предков поселились в Гарском районе во времена Столыпинской реформы. Именно в культуре белорусов лучше сохранились элементы древнеславянского языка и традиций. В их языке фамилии соответствует слово «прозвішча» [16. С. 194].

Прозвища первой четверти XX в. более архаичны: жену обычно звали по имени или прозвищу мужа. Личные женские прозвища стали активно появляться лишь во второй четверти XX в. Про выходцев из д. Князевки рассказывает Г. Зуева: *«В Князевке, край деревни “Минский” был, остальные со средней Волги,*

татары, их край “Казанский”. Тетя Маруся Анухова – Анушиха, или еще Манька Ванькина, по мужу. Кулик – Толька Зуев, потому что птичка зуй из породы куликов, жена – Куличиха. Азариха одну звали, Азаров муж. Хутора по фамилии называли, два брата на Васильевском хуторе жили. А детей звали ласково: Василёк, Ольгутка, Аксюха (Настя). Еще прозвища в деревне по дедам были: Мутков Трофим – ребята Трофимовы. Родовые прозвища по имени деда – тоже древняя традиция. «Тетя Маруся Козлова была – никогда козливой не называли, меня никто не назвал ни разу Гулькой, даже в Князевке, где выросла – уважение к семьям было. Среди баб своя деревенская этика. Одну бабушку почему-то Пашига звали – утром рано вставала и сразу пошлагала куда-то; говорили: “блудливая как Пашигина корова”. Осуждали, было такое, социальный упрек, так скажут с укором, как рукой махнут: “А что про её говорить!” и все понятно».

Про соседнюю деревню рассказывает В.Н. Спиченок, ныне тоже проживающая в Атирке. *«В Красном Яре жили белорусы, это сразу видно по женским прозвищам: Париучиха – Париукова жена. Антониха, Мигалиха, Силивеиха. Не все по фамилиям, есть просто Анютка – Козловская А.В. Также традиция: у белорусов принято использовать уменьшительно-ласкательные имена, некоторых так зовут до старости. Еще местность часто называли по прозвищам: дед Ермолай – Ермоловы паиши, которые разрабатывали Мигалевские. Семкина пристань – Мигаль Семен, он заготавливал там лес. Михайловы паиши – Буракова М.Н. Приехали в 1903 г. с Могилевской губернии Мигали, Щебеты. Есть Ивановюшкина пристань на берегу Шиша. Первые жители поселились там в 1897 г. до основания Красного Яра, Иван с женой, жили они на берегу Шиша, их звали Ивановюшка и Порунечка, видимо они так друг друга называли. Рядом, в нескольких километрах была деревня Усюльган, жили там разные люди: Гришка черненький – Г.Г. Ботвинкин, Кнотичиха-Бородачиха. Машенька – Эмс Мария, тоже всю жизнь так и звали Машенька, Анечка – Андреева Анна, все так звали и дети и взрослые. Вот в Атирке Захаренко (Сасова) Варвара, зовут когда Варачка, а так чаще: Сасиха»*.

В Князевке, Красном Яре и Усюльгане до переселения в Атирку были распространены все виды прозвищ, характерных для белорусской традиции. Среди них выделяется целый пласт имен-прозвищ, которые вопреки общепринятому изменению с возрастом на уважительное имя-отчество оставались до старости в уменьшительно-ласкательной форме. По нашим наблюдениям, у белорусских переселенцев гораздо дольше оставались в употреблении архаичные прозвища.

В 1930–1940-х гг. мотивация образования прозвищ сильно изменилась: они начали выполнять функцию психологической разгрузки, пересекаясь с такой формой фольклора, как частушки. Недаром повсеместно пик образования прозвищ приходился на «колхозные»,

предвоенные годы, отличавшиеся, с одной стороны, творческим раскрепощением, распространением грамотности, а с другой – тяжелым физическим трудом, жестокой политикой и процветающей несправедливостью [13, 14]. Об этом рассказывает приехавшая из такой деревни Кислицына (Козлова) Е.Ф. 1934 г.р.: «А потом, когда колхоз начинался, люди не шли в колхоз, – тогда все отбирали, самих увозили на болото и бросали и умирали так. Еще зерно возили сушить в овины, чтоб план сдать, ездили женщины, план сдадут, еще везут. Одни женщины мешки заносили вверх 60–70 кг, девочки не могли занести. А когда сдал на семена, а остальное себе на трудодни – мешок, два получится, – как жить не знали. Умирали, если болезнь какая придет – в Пологрудово надо ехать, а далеко. “Об угол головой не ударишься”, ой тяжело жили. Это были голодные военные и послевоенные годы».

В 1960–1970 гг. в период активного развития деревни, улучшения социально-бытовых условий был замечен некоторый спад в образовании новых прозвищ, хотя старые активно использовались [13. С. 64–73]. Происходили перемены в политике, а в соответствии с ними менялись и местные «герои». Яркой иллюстрацией того времени служит песенка из детского фольклора, которую распевали атирские ребята в начале 1970-х гг.:

*«Куба, отдай наш хлеб,
Куба, возьми свой сахар,
Куба, Хрущева давно у нас нет!
Куба, иди ты на ...!».*

1990-е гг. неожиданно перечеркнули несколько десятилетий напряженного труда в стремлении к счастью и благополучию. Наступила разруха, и началась борьба с ней. Другая жизнь – другие образы. Сегодня бытование прозвищ создает своеобразный фольклорный образ деревни. Прозвища даже не придумываются, они органично вырастают из жизни, лишая ее того драматизма, внося некий примиряющий, нейтральный смысл и придавая замирающей сельской жизни недостающую бурную событийность: «Саенка Ирка, а которая в магазине работает. Как увидел ее – ну смех берет! Сразу вспоминаю: **Юра-черт** – погоняло, “медвежатник” был, сейф открывал, сидел. У него супруга, Полина. Они с мужиком Иркиным пахали где-то на полях, блины ему настряпала, поклала у сумку. А **Утюг** послал его в речку за водой (далековато оттуль), чтоб чай вскипятить, а сам все блины в его сумке съел и дохлого бурундука в сумку на последний блин положил, а другим накрыл. А тот приходит, – раз в сумку: “О, бурундук! Блины съел и сам здох!”. “Бурундуком” с тех пор и зовут». «Про Полю, про ягоню: тетья Нина Латышева, жили наискосок, а они пили, не просыхали. Ну, с перепоя или с чего, тая вышла на улицу совсем голая, а эта бабуля стоит через дорогу и кричит: “Полинка, чаго это ты голая!” – “Якая-ж я голая – я у плауках!”, – “А, ти видала ты тые плауки?”». А больше, у атирских мужчин в образах – животный мир процвета-

ет. И это не удивительно, ведь лес, охота, рыбалка – основной, порой единственный источник существования: «О! **Розовый** куда-то попер с **Куропаткой**, где-то у ягоды они... Вот, Куропатка – Надежда М., Зуй прозвал, – похожа, маленькая и бегаёт так шустро. **Капалуха** – тоже полненькая, толстенькая, Раиса Е. **Заяц** – Александр П.: голос писклявый. **Роньжа** – медсестра, Людмила как приехала, сразу окрестили по внешности: нос горбатый длинный – Роньжа, птичка такая, подруга сойки. **Цырковая лошадь** – Александр: ногу сломал, не поехал в больницу, срослась неправильно, идет как лошадь теперь, марширует. Дима **Чалый** по коням с армии спец, собирался всё на север, но так и не уехал – **Северянин** теперь!».

Любая произошедшая в деревне история может стать источником второго прозвища. Поэтому порой трудно самим разобраться, как лучше: Черт или Утюг, Чалый или Северянин.

«А сколько Кольки – **Сальнику** лет уже (он Санников) – сорок восемь? Как с **Зуем** на рыбалку поедут раньше, Зуй сидеть будет, а он грести будет, он же **Шпирёнок** раньше был, а теперь – **Киллер**. Когда Зуй с ним охотился, он переспал с его Ниной и тот хотел его убить, бежал по дереуне, убить-не убил, а вот теперь Киллер. **Солдатка** – Татьяна Н.: собиралась идти в армию, «у солдаты» да так и не ушла. **Охапкин** – Женя Обухов – дров как-то попросил охапку. **Борона** – Николай Л., а супруга **Боронесса**. **Летчик** – Виктор М.: то на тракторе, то на комбайне летал по деревне!».

Приезжие быстро включаются в общую игру: «**Махачкала** – Нальгиев, ингуши они: «Куда поехал? – в Махачкалу, через Дербент, за сахаром!» Украинцев традиционно хохлами зовут. Любители политики оперируют знакомыми образами: «На Заимке, живет **Чубайс** – Виктор В., похож на “Чубайса”. **Никсон** – Захаренко, из-за плаща: у него сидели, ты пили, ты што, и плащ какой-то надели на яго, ну как Никсон – президент, значит. Отец был “Никсон”, а теперь во его сын тоже “Никсон”». Часто прозвище передается по наследству, а иногда мотивом становится образ жизни или внешнее сходство: «У одной учительницы муж носит очки – значит, **Профессор**. А **Маугли** – женщина-алкашка – образ жизни такой, что месяцами не появляются на улице, одичают, потом выйдут, как «Маугли». **Чалый** – Рудэнко, старого зовут: кино было про воров, во там “Чалый”. **Чекотило** – Петр Ф.: анекдоты про женщин всё такие рассказывал. **Пани Моника** – Людка Дашкевич, тоже по виду».

Самым распространенным мотивом, как и 300 лет тому назад, становятся выдающиеся черты характера, внешности и привычки: Новиков Мишка – **Шаленый**: на молоковозе летал сильно и на Яве гонял, как ошалелый, прокатил одного, так тот чуть соскочил: «Лучше б я пешком пошел!» **Плюшкин** – Василий Михайлович, все подряд собирал. **Шевяк** – Александр М.: коней много было, ходил, пинал шевяки – допинался. **Четуи-**

ка – Галина, маленькая такая и пьет. Не остаются незамеченными часто употребляемые слова и выражения: **Портретик** – Анатолий М., а присказка у него такая была: «Милый ты мой, портретик!» Соседи молодые жили на углу – **Солнышки**, обращались друг к другу – «Солнышко». А есть ещё **Супруги**, тоже называют друг друга «супруга», «супруг».

Прозвища от фамилий – своеобразные «вторичные» прозвища – в Атирке распространены в разных вариациях: **Сидор** – Петров А., ну, потому что «Петров, Сидоров...». Москвин Александр – **Маскарад**: просто совпадает так фамилия с именем. Федор Захарович – **Фидерзейн**: созвучно с немецким словом. Коля Малеев – **Малежик** и сын его Малеежик. Журавлевы – **Журавли**. Учителя Стошина, по фамилии, звали – **Сотня**. Савченко звали – **Сова**. Чайкин – **Чайник**, три ребенка – все «чайники».

Распространены и школьные «клички»: Ваня Зуев, долго **Фаня** был, потому что в школе подписывая тетрадку, букву перепутал. **Максим** – заикался, как пулемет: «А ты блин, ти-ти, а ты дрофа ха-ха». **Удод**, **Удодик** – как еще в школе учился: «На коробке белки-стрелки, на коробке – удод». Удодика уже нету, он повесился. **Морозик** – во втором классе прибегает к однокласснику радостный: «В школу не надо идти, – мороз!». Сам съезжился: «Ой, морозик!». Школа в

Атирке является основным очагом культуры: «Сейчас в школе пресекаем, чтоб не дразнили. Учителя друг друга зовут просто по отчеству: Витальевна, Викторевна – и уважительно, и по-свойски, хотя у некоторых учителей тоже бывают прозвища. Учительницу одну, очень скупую на оценки, звали **Скряга**. Немецкий вел лысый учитель, так и звали – **Лысый**, а историка звали **Виннипук**: за внешнее сходство».

Подводя итоги исследования, стоит упомянуть и об отношении к прозвищам в селе – далеко не всем обладателям они нравятся, некоторые обидные и неблагозвучные употребляются только «за глаза»: Вот еще **Дриц** был, понос значит – слишком шустрый, Сашка-дриц, а большинство опрошенных информаторов считают, что прозвища возникают в основном «от безграмотности». Однако для этнографа прозвища являются важными устными источниками, заключающими в себе информацию о многих прошедших и существующих этапах развития определенных локальных сообществ. Они являются своеобразными лаконичными характеристиками индивидов, отражающими мировоззрение, житейский опыт и юмор народа. Поэтому по особенностям прозвищ исследователь может выявить и реконструировать многие социокультурные процессы, происходящие в жизни деревни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М. : Русский путь, 2004. 904 с.
2. Соколов А.И. Русские имена и прозвища в XVII в., собранные А. Соколовым. Казань : Тип. Императорского университета, 1891. 19 с.
3. Балов А.В. Великорусские фамилии и их происхождение // Живая старина. 1896. № 2. С. 157–168.
4. Шустиков А.А. Прозвища крестьян деревень Хмелевской, Бережок тож Кадниковского уезда // Живая старина. 1899. № 4. С. 526–528.
5. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М. : Наука, 1973. 366 с.
6. Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М. : Наука, 1974. 382 с.
7. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1978. 198 с.
8. Никулина З.П. Лексико-семантические структурные особенности отфамильных детских прозвищ // Теоретические вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1972. С. 63–66.
9. Давыдова К.Н. Современные прозвища в говорах Красноярского края // Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии. 1972. С. 159–161.
10. Шулунова Л.В. Прозвища в антропонимии бурят. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1985. 96 с.
11. Кушкова А.Н. Деревенские прозвища: к вопросу о характере, бытовании и социальных функциях (по полевым материалам Белозерского р-на Вологодской обл.) // Антропологический форум № 11 Online, 2009. С. 1–32.
12. Воронцова Ю.Б. Словарь коллективных прозвищ. М. : Аст-пресс книга, 2010. 448 с.
13. Аболина Л.А. Прозвища Култучан // Тальцы. 2008. № 1 (31). С. 60–73.
14. Аболина Л.А. Прозвища жителей Тункинской долины как дополнительный источник по изучению этнокультурного формирования населения // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. к 50-летию Л.В. Татауровой. Омск : Издатель-Полиграфист, 2015. С. 67–79.
15. Населенные пункты Тарского района Омской области. Тара, 2009. 60 с.
16. Беларуска-Рускі слоўнік. Мінск : Аверсэв, 2003. 372 с.

Abolina Larisa A. NPO «Archaeological design and researches» (Irkutsk, Russia). E-mail: larisa-abolina@yandex.ru; Fedorov Roman Yu. Tyumen State University (Tyumen, Russia); Earth Cryosphere Institute Siberian Branch of RAS (Tyumen, Russia). E-mail: E-mail: r_fedorov@mail.ru

THE LIVE TRADITION OF NICKNAMES IN THE VILLAGE OF ATIRKA: SOCIAL, ECONOMICAL FACTORS AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS.

Keywords: onomastics; rural nicknames; Atirka; Omsk region.

The Middle Ages were the period of most active creation and using of nicknames in Russia. This period ended with the official prescription to use only orthodox personal names and establishment of a three-part form of identification: a name, a middle name, a surname, which happened in the 18th century. Despite it, informal nicknames do exist nowadays and they gain new features, connected with the sociocultural processes in modern society. It shows us the special relevance of researching this area. Nicknames are especially important in the lives of the closed communities (educational and correctional facilities, army, professional communities) where such informal identification of the individual from the side of the community has a number of specific functions (social stratification, allocation of ethnic, geographical or professional origins, emphasis of individual qualities of the person, psychological release, etc.). In this regard the social organization of life in the rural community had much in common with the functioning of the closed communities. First of all it is

caused by the fact that rural dwellers had a limited and settled circle of social contacts and the life of each person passed in full view of the neighbors, who gave their personal characteristics and estimates. This situation is typical for the small villages which found themselves on the fringes of the modern social and economic development. The village of Atirka of Tarsky district in the Omsk region is of this type of settlements, and through its example the authors of this article tried to investigate the variety of nicknames, the reasons of their appearance and their place in life of the local society. The article reviews the special features of the rural nicknames reflecting the personal qualities of their bearers, nicknames coming from surnames, school "nicknames" through particular cases. We also revealed some peculiarities of creating nicknames in different ethnolocal groups. In particular, we found out that descendants of the Belarusian migrants living in of Atirka used archaic nicknames much longer than Russian old residents, for whom since 1930–1940 such nicknames played the role of psychological release, intertwining with such form of Russian folklore as "chastushka". In spite of the fact that most of the surveyed people consider that nicknames generally come "from ignorance", for the ethnographer they are important oral sources, that contain information about the passed and existing stages of development of certain local communities. They may be considered as peculiar brief characteristics of the individuals reflecting the philosophy, the background experience and the humour of people. That is why studying the nicknames the researcher can reveal and reconstruct many sociocultural processes in rural life.

REFERENCES

1. Tupikov, N.M. (2004) *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [A Dictionary of Old Russian personal proper names]. Moscow: Russkiy put'.
2. Sokolov, A.I. (1891) *Russkiya imena i prozvizhcha v XVII v. sobrannyya A. Sokolovym* [Russian names and nicknames in the 17th century collected by A. Sokolov]. Kazan: Imperial University.
3. Balov, A.V. (1896) Velikorusskie familii i ikh proiskhozhdenie [Russian names and their origin]. *Zhivaya starina*. 2. pp. 157-168.
4. Shustikov, A.A. (1899) Prozvizhcha krest'yan dereven' Khmelevskoy, Berezhok tozh Kadnikovskogo uезда [Nicknames of peasants in Khmelevskaya, Berezhok and Kadnikovsky Uezd]. *Zhivaya starina*. 4. pp. 526-528.
5. Superanskaya, A.V. (1973) *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [The general theory of the proper name]. Moscow: Nauka.
6. Veselovskiy, S.B. (1974) *Onomastikon: Drevnerusskie imena, prozvizhcha i familii* [Onomastikon: Old Russian names, nicknames and surnames]. Moscow: Nauka.
7. Podolskaya, N.V. (1978) *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [A Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow: Nauka.
8. Nikulina, Z.P. (1972) Leksiko-semanticheskie strukturnye osobennosti otfamil'nykh detskikh prozvizhch [Lexico-semantic structural features of children's family nicknames]. In: Golev, N.D. (ed.) *Teoreticheskie voprosy russkogo yazyka i ego govorov* [Theoretical questions of the Russian language and its dialects]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 63-66.
9. Davydova, K.N. (1972) Sovremennye prozvizhcha v govorakh Krasnoyarskogo kraja [Modern nicknames in the dialects of the Krasnoyarsk Territory]. In: Blinova, O.I. (ed.) *Leksicheskie i grammaticheskie problemy sibirskoy dialektologii* [Lexical and grammatical issues of Siberian dialectology]. Tomsk: Tomsk State University. pp.159-161.
10. Shulunova, L.V. (1985) *Prozvizhcha v antroponomii buryat* [Nicknames in Buryats' anthroponymy]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ.
11. Kushkova, A.N. (2009) Derevenskie prozvizhcha: k voprosu o kharaktere, bytovanii i sotsial'nykh funktsiyakh (po polevym materialam Belozerskogo r-na Vologodskoy obl.) [The rustic nicknames: The nature, existence and social functions (a case study of Belozersky district, Vologda Region)]. *Antropologicheskii forum - Forum For Anthropology And Culture*. 11. pp. 1-32.
12. Vorontsova, Yu.B. (2010) *Slovar' kollektivnykh prozvizhch* [A Dictionary of Collective Nicknames]. Moscow: Ast-press kniga.
13. Abolina, L.A. (2008) Prozvizhcha Kultuchan [The Kultuchan Nicknames]. *Tal'tsy*. 1(31). pp. 60-73.
14. Abolina, L.A. (2015) Prozvizhcha zhitel'ey Tunkinskoy doliny kak dopolnitel'nyy istochnik po izucheniyu etnokul'turnogo formirovaniya naseleniya [Nicknames of the Tunka Valley residents as an additional source for the study of the formation of ethnic and cultural population]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in archaeological research]. Omsk: Izdatel'-Poligrafist. pp. 67-79.
15. Anon. (2009) *Naselennyye punkty Tarskogo rayona Omskoy oblasti* [Populate localities of Tara district, Omsk region]. Tara: [s.n.].
16. Bulyka, A.M. (ed.) (2003) *Belarushka-Ruski slojnik* [Belorussian – Russian Dictionary]. Minsk: Aversev.